

ПОВЕСТЬ Н. В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ» И РОМАН М. Г. ЛЬЮИСА «МОНАХ»: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Восприятие английской литературы в России – существенная и в то же время недостаточно изученная область современной компаративистики. Благодаря работам академика М.П. Алексеева и его учеников изучение русско-английских литературных и культурных связей стало отдельным направлением сравнительного литературоведения, но до сих пор многие факты рецепции английской литературы на русской почве остаются не до конца освещёнными. Так, изучение влияния английского готического романа на творчество Н.В. Гоголя всё ещё находится на уровне постановки проблемы. По справедливому замечанию Ю.И. Архипова и Ю.Б. Борева: «Гоголь во многом – на пересечении силовых линий мировой литературы новейшего времени, <...> он по многим параметрам сопоставим с десятками самых блестящих литературных имён Запада» [1, с. 141]. Гоголеведы уделяли больше внимания связям творчества писателя с немецкой и французской литературой. Цель данной статьи – проследить влияние готической прозы, в частности, романа М.Г. Льюиса «Монах» на повесть Гоголя «Страшная месь».

С одной стороны, решение вопроса о связи Гоголя с готической традицией кажется простым и лежащим на поверхности. Но эта простота обманчива. Некоторые исследователи декларативно констатируют эту связь, не достаточно аргументируя её, смешивая различные теоретические понятия [12]. В современном литературоведении подобные нестыковки связаны с расплывчатым представлением о современном состоянии разработки теории жанра готического романа, о его каноне и генезисе. Говоря о готической традиции в том или ином произведении, следует помнить, что английский готический роман представляет собой целостную и хорошо структурированную систему со своим хронотопом, оппозициями образов, повествовательными приёмами, строгой иерархией мотивов, поэтому готические элементы необходимо рассматривать в комплексе. Авторы предисловия к книге В. Э. Вацура «Готический роман в России» указывают, что в отличие от западных литератур, русская “готика” как определённая традиция не получила в науке сколько бы ни было комплексного освещения [4, с. 2]. Исключения составляют немногочисленные серьёзные исследования В.Э. Вацура, Н.Д. Тмарченко, Г.В. Заломкиной, В.Я. Малкиной, А.А. Поляковой и др.

При всестороннем рассмотрении данной темы закономерно возникает вопрос о знакомстве Гоголя с готическими романами. Прямых свидетельств, подтверждающих такой факт, не сохранилось. Но косвенные данные настолько убедительны, что позволяют утверждать вероятность подобного чтения. По мнению В.Э. Вацура, исследовавшего процесс восприятия английского

готического романа на русской почве, пик готической волны в России приходится на начало XIX века, а её спад – на 1810-е годы [4, с. 3]. Романы А. Радклиф, мадам де Жанлис, М.Г. Льюиса, К. Рив, Дж. Мура, В. Годвина и других авторов были широко представлены в частных библиотеках. Более того, в сохранившихся остатках помещичьих библиотек В.Э. Вацура обнаружил следы целенаправленного собирания готических романов. Д.П. Трощинский тоже коллекционировал романы тайн и ужасов. По предположению Г.И. Чудакова, книгами из его библиотеки мог пользоваться юный Гоголь. В «Каталоге антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я. Фёдорова, приобретённой после смерти министра Д.П. Трощинского» под номерами 3764-3785 значатся готические романы [7].

Скорее всего, знакомство Гоголя с готическими романами состоялось в гимназическом возрасте. По свидетельству Н.В. Кукольника в Нежинской гимназии высших наук были широко известны готические романы А. Радклиф, которые входили в круг массового чтения: «Больница, под непосредственным надзором любознательного сторожа Евлампия, представляла все удобства для экскурсий. Доктор зайдёт раз в день, инспектор раз в день – и кончено; подсунул Евлампия мадам Радклиф со всеми ужасами разных аббатств и ступай себе куда хочешь» [8, с.199].

О знакомстве Гоголя с готическими романами, о сознательной или неосознанной ориентации писателя на готическую традицию, свидетельствуют многие его произведения. С точки зрения близости к жанру готического романа, повесть «Страшная месть», безусловно, самое «готическое» произведение Гоголя. «Кажется, что автор “Страшной мести” начитался филологических исследований о готической прозе, – остроумно заметил В. Я. Звоняцковский, – настолько чётко он выполняет их “требования”» [6, с. 106]. Действительно, в «Страшной мести» собраны практически все атрибуты готического произведения.

Повествование начинается с эпизода оборотничества, в котором проявляется истинная сущность загадочного колдуна, воспринимаемая присутствующими на свадьбе как «образ сатаны». Инфернальная природа страшного героя неоднократно подчёркивается автором при помощи оппозиции «свой-чужой», которая функционально замещает принцип контраста, лежащий в основе построения готического романа. Свадебный обряд, изображённый в начале произведения, является, по сути, обрядом инициации. Он призван усилить эффект, произведённый эпизодом оборотничества колдуна. Мотивы слухов и предчувствий играет важную роль не только в первой части повести, но и в дальнейшем развитии действия, в создании таинственной атмосферы произведения. Можно предположить, что эти мотивы также заимствованы писателем из арсенала готической прозы.

Есть в повести и обязательный для готического романа замок, окружённый «непробудным лесом» – прибежище старого колдуна, где «гремят цепи и бегают собаки», «мелькают нетопыри» [5, с. 147]. Использование

писателем такого нехарактерного для украинского быта слова, как «замок», также может свидетельствовать об ориентации на западноевропейскую традицию. Хронотоп замкового типа, введённый в научный обиход М. М. Бахтиным, лежит в основе сюжетно-пространственной организации жанра готического романа [2, с. 395]. В «Страшной мести» он также играет существенную роль. Пейзажи в повести соответствуют образам готической природы и призваны усилить и оттенить общий мрачный колорит повести. При этом Гоголь создаёт оригинальные готические пейзажи, опираясь на традиции славянского фольклора: «...Днепр серебрился, как волчья шерсть среди ночи» [5, с. 138]. Гоголь дорожил этим сравнением. Впервые оно появляется в черновике предисловия к «Страшной мести».

В духе готической традиции выстроена и система образов в повести. Центральный образ готического злодея (колдуна) противопоставит жертвенному женскому образу (Катерине), а положительный герой-протагонист (Данило) не обладает достаточной силой, чтобы остановить злодея. Во внешнем облике колдуна выделяется особенность, которой авторы готических романов наделяют практически всех без исключения злодеев: это особого рода магнетический взгляд, свидетельствующий об inferнальной природе его носителя. Например, Катерина вспоминает один из своих кошмарных снов: «Ты посмотри на меня, Катерина, я хорош! <...> Посмотри, как я поглядываю очами!» Тут навёл он на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась» [5, с. 144]. Накануне этого сна «чуден ей показался странный блеск очей отца».

Онейрическая составляющая очень важна в развитии готического сюжета. С помощью сновидений осуществляется вхождение мистического начала в художественную ткань произведения. В русле готической эстетики сновидение выступает как своеобразная пограничная зона между жизнью и смертью, как часть иного пространства и бытия, в котором сверхъестественные события обретают реальность. Используя приём сновидений, автор раскрывает нечеловеческую природу отца Катерины, его истинные намерения и прошлые преступления. Во время сна душа Катерины становится уязвима и подвластна злой силе, которой управляет её отец.

Гоголь успешно использует особую нарративную технику, получившую в истории готического жанра название суггестивной. Страшные сцены и преступления следуют друг за другом по принципу градации, напряжение нарастает, а тайна колдуна и его злодеяний не раскрывается до самого конца. После кульминации произведения нарастающее напряжение, казалось, должно исчезнуть, но оно ещё более усиливается. Гоголь применяет различные приёмы, способные вызвать страх и ужас (мертвецы, восстающие из могил на кладбище и т.д.). Глубокая философско-этическая проблематика, вырастающая из эпилога повести, заставляет читателя неоднократно переосмыслить прочитанное, при этом ужас перед преступлениями колдуна, поправшими все человеческие связи, умножается многократно.

В гоголеведении уже предпринимались попытки рассмотреть повесть Гоголя «Страшная месть» в связи с конкретными готическими романами. В статье Е.И. Самородницкой «Страшная месть» сопоставляется с романом Г. Уолпола «Замок Отранто» [13]. В.Я. Звиняцковский в книге «Побеждающий страх смехом» указал на некоторые параллели между образом колдуна, созданным Гоголем, и Мельмотом из романа «Мельмот-скиталец» Ч.Р. Метьюрина, а также Медардом из романа «Эликсиры сатаны» Э.Т.А. Гофмана [6]. В этих исследованиях намечены лишь некоторые типологические параллели между указанными произведениями, так как о прямом влиянии вышеупомянутых романов на творчество Гоголя говорить не приходится. Как известно, повесть «Страшная месть» была написана Гоголем в 1831 году. Русский перевод романа Метьюрина появился в 1833 году, а первый перевод романа Гофмана «Эликсиры сатаны» был издан в России в 1897 году в составе полного собрания сочинений писателя. «Замок Отранто» Г. Уолпола на русском языке был переведён только в 1967 году. Свидетельств о том, что молодой Гоголь свободно читал по-английски, не сохранилось.

Рассматривая вопрос о непосредственном влиянии конкретных готических романов на творчество молодого Гоголя, среди возможных литературных источников в первую очередь следует назвать романы А. Радклиф и роман М.Г. Льюиса «Монах», представляющие различные модификации жанра готического романа. Однако повесть «Страшная месть» свидетельствует о том, что Гоголь ориентировался не на сентиментально-готические романы А. Радклиф. В финале всех романов «королевы готики» ужасное и фантастическое нивелируется, необычайные события объясняются естественными причинами, зло наказано, справедливость восстановлена. Многие поклонники «чёрного» романа, начиная с В. Скотта и заканчивая Г.Ф. Лавкрафтом, не могли простить романистке подобных хэппи-эндов. В поэтике «Страшной мести» больше ощущается влияние другой ветви готического романа – френетической (от фр. *frenetique* – бешеный, иступлённый, неистовый), начало которой было положено «Монахом» М.Г. Льюиса. Трактовка категории «ужасного» существенно отличается в френетической и сентиментальной готике. «Ее инструментом был не столько *terror* - страх, согласно Бёрку и Радклиф, неразлучный с чувством наслаждения, пробуждающий деятельность души и мысль о величественном, сколько *horror*, их уничтожающий», – пишет В.Э. Вацура [4, с. 160].

Экземпляр «Монаха» хранился в библиотеке Д. П. Трощинского под номером №3775, об этом свидетельствует каталог его библиотеки [7]. Более того, как установила Е.И. Самородницкая, имя Трощинского стояло первым в списке «особ, подписавшихся на сие издание в лавках Глазунова» [13, с. 90]. О знакомстве Гоголя с этим романом могут свидетельствовать общие мотивы и некоторые сюжетные совпадения с его текстом, но более всего - общая установка на воспроизведение эстетики ужасного.

История искушения монаха Амбросио дьяволом, написанная девятнадцатилетним автором, оказалась настолько необычной и эпатажной для своего времени, что споры об этом произведении не утихают до сих пор. В вину автору вменялись чересчур откровенные натуралистические сцены, невиданное нагромождение ужасных преступлений и убийств, антиклерикальная направленность произведения.

Впервые на русском языке роман вышел в 1802-1803 годах под именем А. Радклиф. В то время книгопродавцы часто прибегали к подобному коммерческому трюку: под именем известного и хорошо покупаемого автора издавались произведения начинающих писателей.

Важную роль в повести Гоголя и в романе Льюиса играет осмысление проблем веры и греха, преступления и наказания. Главные герои обоих произведений, не просто воплощение типа готического злодея, они – великие грешники. Сам Сатана бросает монаху обвинение: «...Ад не может похвастать более страшным грешником, чем ты» [10, с. 416]. «Неслыханный грешник» – так Гоголь называет колдуна. Образ данного персонажа из повести Гоголя и Амбросио из романа Льюиса связывает также сюжетнообразующий мотив инцеста, толкающий обоих героев на новые преступления, что в итоге приводит их к гибели. Однако мотив инцеста у Гоголя и Льюиса несёт разную смысловую нагрузку. В отличие от колдуна инцест Амбросио неосознанный. До самого конца он не знает, что предметом его преступной страсти стала родная сестра, а невольной жертвой – мать. Роман Льюиса, созданный в переходную эпоху предромантизма, наряду с новаторскими чертами содержит черты, связывающие его с эпохой Просвещения. В трактовке мотива инцеста Льюис следует за античной традицией, где роковая случайность оборачивалась для героя преступлением. У Гоголя мотив инцеста играет другую функциональную роль – является неким маркером демонической природы героя, что свидетельствует о принадлежности повести «Страшная месть» к художественной системе романтизма.

Прошлое, в котором содержится какая-то родовая тайна или нераскрытое преступление, определяет ход событий в настоящем. Таково обязательное жанровое условие любого готического романа. В романе Льюиса судьба Амбросио и его монашество традиционно связаны с тайной рождения героя. В то же время путь Амбросио – это путь постоянной борьбы с дьявольскими искушениями и постепенное осознание собственной деградации и слабости. Психологический рисунок характера Амбросио на редкость убедителен для романа конца XVIII века.

У Гоголя тайна прошлого колдуна связана с возмездием за убийство его предком своего побратима, совершённым в незапамятные времена. Раскрывая тайны прошлого колдуна, Гоголь поднимает проблематику преступления и наказания до философско-космического осмысления. Колдун из повести «Страшная месть» понимает, что он «неслыханный грешник», что его преступления противоречат человеческой природе, но читатель не видит

внутренней мотивировки его поведения. Для Гоголя более важно представить колдуна внешне, а не изнутри, через цепь необъяснимых преступлений, и тем самым доказать, что он действительно тот самый «неслыханный грешник». В конце повести становится понятно, что колдун совершает злодеяния под давлением неумолимого Рока, его судьба predetermined задолго до его рождения, родовое проклятие довлеет над ним. «Нет такого слова на свете, которым бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотелось бы весь свет вытоптать конем своим, взять всю землю от Киева до Галича с людьми, со всеми и затопить ее в Черном море. Но не от злобы хотелось ему это сделать; нет, сам он не знал отчего» [5, с. 167].

Мотив покаяния также связывает рассматриваемые произведения. И монах, и колдун понимают, что их грехи ужасны, но в глубине души до последней минуты надеются на покаяние и всепрощение. «Ты не знаешь ещё, – говорит колдун Катерине, – как добр и милосерден Бог» [5, с. 152].

Текстуальная близость между рассматриваемыми произведениями ярче всего проявляется в их финалах. На важность заключительного эпизода «Монаха», получившего «автономную жизнь во французской и русской литературах», обратил внимание В. Э. Вацуро [4, с. 155]. Возмездие настигает Амбросио: Демон сбрасывает его с неизмеримой высоты, с горного обрыва на острые скалы. Заканчивается роман натуралистической сценой страшных мучений преступного героя. У Гоголя колдун также находит свою смерть на дне глубокого провала: «Ухватил всадник страшную рукою колдуна и поднял его в воздух. Вмиг умер колдун и открыл после смерти очи. <...> Бледны, бледны, один другого выше, один другого костистей стали они (мертвецы) вокруг всадника, держащего в руке страшную добычу. Еще раз засмеялся рыцарь и кинул ее в пропасть» [5, с. 167]. В данном эпизоде Гоголь, очевидно, не случайно использует слово «добыча». Сатана из романа Льюиса также называет Амбросио добычей: «Злодей, оставь надежды на прощение! Вот так я оставляю за собой мою добычу» [10, с. 418]. После этого следует финальная сцена расплаты. Таким образом, можно предположить, что в повести Гоголя «Страшная месть» мы имеем дело с фактом русской рецепции «Монаха» Льюиса.

Связь поэтики «Страшной мести» с традицией готических романов была очевидна для современников Гоголя. Возможно, в этом кроется причина того, почему повесть Гоголя не была замечена и оценена по достоинству. За нагромождением готических ужасов читатели просмотрели (по определению А. Белого) «одно из наиболее изумительных произведений начала прошлого века» [3, с. 59].

В «Страшной мести» Гоголь творчески использует элементы готической поэтики. Традиционные готические мотивы выполняют в повести второстепенную функцию, они подчинены иной художественной задаче – осмыслению понятий веры и греха, мести и возмездия, добра и зла, позволяя

Гоголю подняться на высокий уровень философского осмысления этих вечных проблем.

Литература

1. Архипов Ю.И., Борев Ю.Б. Гротеск Гоголя и фантастическое начало в немецкоязычных литературах // Гоголь и мировая литература. – М.: Наука, 1988. – С. 141-156.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит., 1975. – С.234-407.
3. Белый А. Мастерство Гоголя. – М. : МАЛП, 1996. – 351 с.
4. Вацура В.Э. Готический роман в России. – М.: Новое литературное обозрение (Филологическое наследие), 2002. – 544 с.
5. Гоголь Н.В. Страшная месть // Собр. соч.: В 7 т. – М : Худож. лит., 1984. – Т.1. – С.135-172.
6. Звиняцковский В. Побеждающий страх смехом: опыт реставрации собственного мифа Николая Гоголя. – К. Лыбидь, 2010. – 240 с.
7. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е.Я. Фёдорова, приобретённой после смерти министра Д.П. Троицкого. – Киев, 1874. – 98 с.
8. Кукольник Н. И.С. Орлай // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородько. – СПб., 1881. – 254 с.
9. Лавкрафт Г.Ф. Сверхъестественный ужас в литературе / Говард Филипс Лавкрафт // Хребты безумия; пер. с англ. Л. Володарской. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2007. – С. 1087-1161.
10. Льюис М.Г. Монах / Пер. с англ. И. Гуровой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 448 с.
11. Малкина В.Я. «Страшная месть» и «Замок Отранто» Г. Уолпола // Готическая традиция в русской литературе / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 2008. – С.106-115.
12. Приймачук О. Риси готіки у творах Чарлза Діккенса і Миколи Гоголя // Наук. зап. Терноп. нац. пед. ун-ту ім. В. Гнатюка. Літер-во. – 2011. – Вип. 31. – С.365-376.
13. Самородницкая Е.И. Н.В. Гоголь и Ч.Р. Метьюрин // Готическая традиция в русской литературе / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – М.: РГГУ, 2008. – С.86-106.
14. Чудаков Г.И. Отношение творчества Гоголя к западноевропейским литературам. – Киев, 1908. – 174 с.

Аннотация

Л. В. Мацапура. Повесть Н.В. Гоголя «Страшная месть» и роман М.Г. Льюиса «Монах»: типологический аспект

В статье рассматривается влияние готической прозы на раннее творчество Н.В. Гоголя. В частности, устанавливаются типологические связи между его

повестью «Страшная месть» и романом М.Г. Льюиса «Монах». Сопоставительный анализ указанных текстов позволил выделить общность образов, мотивов, характерных для готических произведений, а также показать различие в использовании элементов готической поэтики.

Ключевые слова: готический роман, готическая традиция, мотив, типологические связи, поэтика.

Анотація

Л. В. Мацапура. Повесть Н.В. Гоголя «Страшна помста» і роман М.Г. Льюїса «Чернець»: типологічний аспект

У статті розглядається вплив готичної прози на ранню творчість М.В. Гоголя. Зокрема, встановлюються типологічні зв'язки між його повістю «Страшна помста» і романом М.Г. Льюїса «Чернець». Порівняльний аналіз вказаних текстів дозволив виділити спільність образів, мотивів, характерних для готичних творів, а також показати відмінність у використанні елементів готичної поетики.

Ключові слова: готичний роман, готична традиція, мотив, типологічні зв'язки, поетика.

Summary

L. V. Matsapura. N. V. Gogol's story "Fearful vengeance" and M. G. Lewis's novel "Monk": typological aspect

In article influence of Gothic prose on N. V. Gogol's early creativity is considered. In particular, typological connections between its story "Fearful vengeance" and M. G. Lewis's novel "Monk" are established. The comparative analysis of the specified texts allowed to allocate a community of images, motives, characteristic for Gothic works, and also to show distinction in use of elements of Gothic poetics.

Key words: gothic novel, gothic tradition, motif, poetics.